УДК 903:325.3(=16) DOI: 10.12737/14353

СЛАВЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ ВЕРХОВСКОЙ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ

***Майоров А.А.*[1]**

Заселение территории Древней Руси осуществлялось различными восточнославянскими племенами, долгое время сохранявшими свои собственные специфические черты исторического развития, обусловленные глубинными проблемами этногенеза, особенностями военно-стратегического положения занятых ими земель, возможностями развития транзитной торговли. Дольше других отличия от соседей просуществовали у вятичей, заселивших бассейн Верхней Оки, называемый нами Верховской историко-географической провинцией. Данный регион в течение VIII– XII вв. характеризовался наличием общего комплекса политико-экономических и социально-географических особенностей, ставших причинами длительного существования автономного вятичского этнополитического племенного союза. Возникновение особенностей рассматриваемой территории было обусловлено формами и методами ее славянской колонизации, в ходе которой произошла быстрая ассимиляции местного первоначального населения.

Ключевые слова: Древняя Русь, верхнеокский регион, вятичи, расселение.

SLAVIC COLONIZATION OF THE TERRITORY OF VERKHOVSKY HISTORICAL-GEOGRAPHICAL PROVINCE

***MAYOROV A.A.* -** Department of History and Museology, Orel State Institute of Art and Culture (Russian Federation, Orel), e-mail: aamajorov@rambler.ru

Settlement of the territory of Ancient Russia was implemented by the various Eastern Slavic tribes, which retained their own specific features of historical development for a long time caused by underlying problems of ethnogenesis, and specificity of military and strategic position of their territories, by opportunities of the development of transit trade. Vyatiches had differences from their neighbours longer than others, who had settled in the Upper Oka basin called Verkhovsky historical geographical province. In the VIIIth – XIIth centuries that region was characterized by the presence of a common set of political, economical, social and geographical features that were the reasons of prolonged existence of the autonomous tribal vyatich's ethno-political union. The appearance of specific features of that territory was due to the forms and methods of its Slavic colonization, during which the rapid assimilation of the local original population took place.

Keywords: Ancient Russia, Upper Oka region, vyatiches, settlement.

Во второй половине I тысячелетия нашей эры славяне постепенно колонизировали обширные пространства Восточноевропейской равнины. Там они сформировали крупные племенные союзы, впоследствии вошедшие в состав Древнерусского государства. Отдельные восточнославянские племена достаточно долго сохраняли свои собственные специфические черты исторического развития, обусловленные глубинными проблемами этногенеза местных жителей, особенностями военно-стратегического положения занятых ими земель, возможностями развития транзитной торговли. Дольше других отличия от соседей просуществовали у вятичей, заселивших бассейн Верхней Оки.

Вятичи заняли территории, ограниченные на севере широтным течением реки Оки, на западе – бассейном реки Десна, на востоке – верховьями реки Дон, на юге – водоразделом реки Сейм. Отличительные черты вятичской истории сложились под действием политических, военных,

Майоров Анатолий Александрович – Орловский государственный институт искусств и культуры, кафедра истории и музейного дела, ст. преподаватель (Российская Федерация, г. Орел), e-mail:aamajorov@rambler.ru

торговых и этнических факторов. Они оказались настолько заметны, что сохранили некую вятичскую идентичность вплоть до XIII в., а затем трансформировались в особый статус Верховских княжеств, возникших на этой территории.

В связи с этим представляется возможным говорить о существовании в прошлом в верховьях Оки весьма крупного историко-географического региона, который можно назвать Верховской историко-географической провинцией. Данный регион в течение долгого времени характеризовался наличием общего комплекса политико-экономических и социально-географических особенностей, ставших причинами длительного существования сначала автономного вятичского этнополитического объединения (или племенного княжения), а затем автономных Верховских княжеств в окружении соседей, более сильных в экономическом, военном и политическом планах.

Причину такой нетипичности верховских земель стоит искать в истории их славянской колонизации. Необходимо отметить, что современная историческая наука не выработала единого взгляда на маршруты славянской колонизации рассматриваемого региона. Данные летописей, лингвистики и археологии зачастую оказываются противоречивыми.

Как известно, вопрос о месте и времени общеславянского этногенеза абсолютно неоднозначен и до сих пор остается одной из сложнейших и интереснейших исторических проблем. Летописи дают простой ответ на вопрос первоначальной родины славян: «во мнозехъ же времянахъ сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земли и Болгарьска. Отъ техъ Словенъ разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на которомъ месте»[1]. Дунайская, днепровская, висло-одерская, карпатская и прочие гипотезы происхождения славян до сих пор имеют своих многочисленных сторонников и противников. В этой связи весьма затруднительным представляется определение исходной точки «правятичской» миграции в верхнеокские земли. Обоснованность и правдоподобность многих теоретических построений весьма высоки, что приводит к выводу о высокой доле вероятности каждой из них.

По нашему мнению, целесообразно использовать синтетический подход к решению данной проблемы. Генезис с точки зрения биологической наследственности явно не в полной мере отражает изменение материальной культуры, а лингвистические процессы не всегда коррелируют с политическими и религиозными аспектами. Аналитический подход к изучению разнородных информационных данных в нашем случае необходимо сочетать с синтетическим подходом при формулировании рабочей гипотезы. По всей видимости, так же следует подойти к зарождению вятичей как этно-политической группы: аналитический подход к разным аспектам их существования с последующей попыткой реконструктивного синтеза.

Стоит согласиться с предположением о том, что первичное расселение славян на Верхней Оке относится к периоду, последовавшему вслед за гуннским разгромом черняховской культуры в 376г. н.э., что привело к заметному изменению бытовой культуры и характера расселения носителей балтской мощинской археологической культуры.[2] В свою очередь, основной колонизационный славянский поток все же относится к VIII в. Традиционно считалось, что заселение вятичами верхнеокских земель осуществлялось по западному маршруту. Подавляющее большинство историков XVIII– XX вв. в своих суждениях использовали сообщение Лаврентьевской летописи, которая о происхождении вятичей и радимичей повествовала следующее: «Радимичи бо и Вятичи от Ляховъ. Бяста бо два брата в Ляхах. Радимъ, а другому Вятко и пришедъша и седоста Радимъ на Съжю, [и] прозв[а]шася Радимичи, а Вятъко седе съ родомъ своимъ по Оке, от негоже

[1]ПСРЛ. Т.1. Вып. 1. Лаврентьевская летопись. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. - С.3.

[2]Седов В.В. Освоение славянами Восточноевропейской равнины // Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. – М.: Научный мир, 2002. – С.155

прозвашася Вятичи».[1] Как это ни удивительно, до сих пор большинство существующих версий базируется на толкованиях этого летописного рассказа, а не на внимательном чтении текста и его сопоставлении с собранными объективными данными.

Чрезвычайно важным является то, что летописец, говоря о приходе легендарного Вятко на Оку, четко обозначил и выделил в своем рассказе одно важное обстоятельство: повествуется именно о приходе «Вятко с родом своим», а не о переселении на Оку всех вятичей. Современные представления о роде в древнерусском обществе описывают его как крупную родственную общину, союз родственных семей, связанный тесными родственными, хозяйственными и духовными отношениями.

Летопись акцентирует внимание на том моменте, что Вятко пришел на Оку «с родомъ», а не со всем «племенем». Примечательно, что этим сообщением летописец проводит прямую параллель со сказанием о призвании варягов: «и изъбрашася три брата с роды своими, и поведоша по собе всю Русь. И придоша къ Словеномъ первее, и срубиша город Ладогу, и седе стареишии в Ладозе Рюрикъ, а другии Синеоусъ на Белоозере, а третеи Труворъ въ Изборьсце. И от техъ Варягь прозвася Руская земля»[2].Принимая во внимание тщательность, важность и значимость вопросов соблюдения установленных ритуалов в средневековых обществах, представляется, что невольное воспроизведение летописцем стандартной для призвания вождя формулы при описании появления легендарного Вятко на Оке никак не может быть случайным.

Перемещение большого народа, способного сразу же расселиться на территории, немногим меньшей 100 тысяч квадратных километров, должно было оставить либо четкий путь из уничтоженных аборигенных городищ и селищ, либо отложиться памятью о переходе нескольких десятков тысяч человек по потенциально враждебной территории. Однако никакой информации о такого рода событиях или признаков подобного похода не обнаружено ни археологами, ни исследователями древнерусского эпистолярного наследия. Переселение, в случае своего совершения, было весьма небольшим по масштабам. Род как единица вполне мог совершить такое деяние.

Объективная оценка гипотезы показывает, что один род не мог увеличиться столь быстро, чтобы охватить гигантскую территорию, занимаемую летописными вятичами. Это делает более вероятным вариант прочтения летописной информации, согласно которому Вятко, глава крупного и знатного, возможно княжеского западнославянского рода, пришел или был призван славянским (а возможно, не только славянским) населением, уже проживавшим на рассматриваемой территории. Рассказ о приходе Вятко в таком случае предстает как один из распространенных вариантов повествования о призвании нового харизматического лидера из чужих земель. Факт длительного проживания славян на верховской земле подтверждают археологические раскопки. Понимание «призванности» Вятко с родом позволяет использовать время его прибытия на Оку не как момент начала сложения вятичской народности, а лишь как одно из важных событий истории его развития.

Одним из прямых следствий такого «призвания», вне зависимости от его исторической достоверности, является конструирование комплекса особой вятичской этно-политической идентичности, по всей видимости, весьма быстро распространившейся и принятой подавляющим большинством жителей верховских земель. Характерно, что иные славяне, селившиеся на указанной территории, также начинали называться вятичами, что указывает не только на этническую основу данного самоназвания.

Завершая анализ летописного рассказа, следует упомянуть о том, что летописцы не включали

[1]ПСРЛ. Т.1. Вып. 1. Лаврентьевская летопись.– Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – С.12.
[2] ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись.– М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.14.

вятичей и радимичей в число народностей славянского языка, живущих в Руси. Сошлемся на свидетельство Лаврентьевской летописи: «се бо токмо Словенескъ языкъ въ Руси».[1] Такая позиция провоцировала возникновение научно не обоснованных теорий о финском языке этих племен. На основании этого сообщения в исторической и популярной литературе иногда встречаются суждения о финском элементе, участвовавшем в этногенезе вятичей. Невнимательное чтение источника, четко оговаривавшего, что речь идет о народностях «в Руси» породило ряд весьма поспешных суждений. На самом деле вятичи дольше всех восточнославянских этносов сопротивлялись включению в состав «Русской земли» как зоны контроля киевской княжеской династии, а потому на момент составления летописного рассказа частью «Руси» не являлись.

Археологические данные не подтверждают «финскую» гипотезу. Возможно, какие-то древние финноязычные народы и жили когда-то на территории бассейна Верхней Оки, но в формировании культуры и наследственности поселившихся здесь славян они участия не принимали. Первоначально славяне (будущие вятичи) расселялись по верхнему течению Оки до устья Угры. Ниже по Оке, в бассейн Москвы-реки и к будущей рязанской земле, туда, где как раз и прослеживаются явные этнографические и археологические следы угро-финнов (муромы), они начали движение позже – в IX– X вв.

Дополнительную путаницу в данный вопрос внесли краниологические исследования восточных славян, согласно которым делался вывод о преобладании в крайних восточных группах славян (вятичи, ярославские, костромские, владимирские кривичи) антропологических черт, присущих финно-угорскому, по-видимому, древнемордовскому населению. Самое показательно в данном утверждении то, что его автор добросовестно предупреждает о том важном обстоятельстве, что «антропология располагает данными лишь о вятичах, известных по курганам среднего течения Оки»[2]. А они, как известно, проживали в заведомо обжитой финноязычным народом мурому, Рязанско-Муромской земле, которая заселялась уже в древнерусское время, т.е. в X– XII вв. Таким образом, представители финно-угорских народностей не должны иметь отношения к верхнеокским первоначальным вятичам.

Перспективными и интересными являются результаты лингвистических исследований, которые говорят о большом количестве балтских гидронимов в Верхнем Поочье, более того, этот след прослеживается вдоль всего течения реки вплоть до окского устья [3]. Некоторыми лингвистами сейчас даже ставится вопрос о балтском влиянии на финский язык, в результате которого финны заимствовали балтские гидронимы. Такая информация подтверждает длительные тесные контакты между местными балтами и пришлыми славянами. Более того, может служить косвенным подтверждением балтского участия в вятичском этногенезе.

Попытки передать вятичскую историю как моноэтническую, по всей видимости, являются пережитком «расовых» теорий XIX в., связывавших язык, наследственность и культуру в единый неразрывный комплекс. В нашем случае явно прослеживается определенная поликультурность и полиэтничность в сочетании с мощными и, по всей видимости, добровольными процессами не только ассимиляционного, но и взаимнообменного характера при безусловном сохранении и даже явном усилении славянской культурно-лингвистической компоненты.

Расселение славян-«правятичей» по бассейну Верхней Оки шло, по всей видимости, в балтоязычной среде с использованием транспортных возможностей речной сети. Этим оно весьма

[1]ПСРЛ. Т.1. Вып. 1. Лаврентьевская летопись. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – С. 3.

[2] Алексеева Т.И. Антропологические характеристики восточных славян эпохи средневековья в сравнительном освещении / Т.И. Алексеева // Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. – М.: Научный мир, 2002. – С.164– 166.

[3] Откупщиков Ю.В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. Вып. XVI. Сборник научных трудов. – М.: Индрик, 2004. – С. 83– 114.

точно соответствовало обычному ходу славянской восточноевропейской экспансии второй половины I тысячелетия. Первичное распространение вятичей в Верхнеокском крае очень хорошо соответствует признакам, выделяемым исследователями первого этапа славянского освоения Европы, – относительно медленного, постепенного, но неуклонного продвижения, с использованием основных транспортных магистралей того времени – русел рек.

Историко-географический анализ археологических данных дает весьма интересный результат. Широко распространенное мнение о подсечно-огневом земледелии вятичей (расчистка участка леса ограниченным пожаром из года в год с перенесением мест посева) нуждается в коррекции. Современные исследования показывают, что оно не было единственным и определяющим способом. Сопоставление информации о расселении дославянских и славянских племен на территории Верхней Оки приводит к выводу о различных способах освоения местных ландшафтов носителями предположительно балтских (верхнеокской, позднезарубинецкой (почепской), мощинской) и славянских (боршевско-роменской, древнерусской) культур. Балтские культуры здесь явно использовали подсечную систему земледелия, славянские – пашенную, о чем говорит отмеченное расположение археологических памятников: предположительно балтские «предпочитали песчаные ландшафты полесского типа», а славянские тяготели «в сторону преимущественного заселения ландшафтов с черноземами»[1].

Очень важным и значимым является то обстоятельство, что способы и варианты ведения хозяйственной деятельности, особенно такой важной, как сельскохозяйственное производство, являются чрезвычайно консервативными и статичными. Фактически не отмечено случаев, когда бы сельскохозяйственные приемы и навыки заимствовались у менее развитых либо побежденных народов. Это суждение придает предположению о «почти» добровольной ассимиляции весьма высокую степень вероятности.

Значительная доля вятичей состояла из носителей роменско-боршевской археологической культуры, пришедшей с юга и хорошо приспособившейся к обработке черноземных почв. Первичное славянское расселение тяготело к черноземным зонам. Поселение на лесных почвах делало прежние навыки ненужными и малопродуктивными. Переход на новые агротехнические приемы мог быть обусловлен прямыми заимствованиями хозяйственных приемов, используемых местным аборигенным населением. Сопоставляя эти данные с зафиксированным летописями размещением вятичей в лесистой зоне, следует признать высокую вероятность гипотезы о вятичском этногенезе в результате ассимиляции славянами преимущественно «лесных» балтов, с усвоением балтских агротехнических приемов.

Помимо прочего принадлежность вятичей к роменской археологической культуре в значительной степени опровергает летописный стереотип об их изначальной склонности исключительно к лесному образу жизни: верхнеокские славяне выживали там, где могли выжить, вне зависимости от дендрологических параметров окружающего ландшафта. По всей видимости, адаптация на новом месте шла параллельно ассимиляции балтов и заимствованию ряда их культурно-хозяйственных приемов.

Отсутствие обнаруженных в ходе археологических раскопок явных следов вытеснения, эпидемии или геноцида является весомым аргументом пользу версии об относительно мирной ассимиляции балтов. Жившие здесь балтийские племена были ассимилированы, по историческим меркам, почти «мгновенно». Уже отмечалось, что во вновь возникшей славянской вятичской культуре прослеживаются черты, явно продолжающие балтские мощинские традиции. В культуру

[1]Давыдчук В.С., Фролов И.К. К истории заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н.э. / В.С. Давыдчук, И.К. Фролов // Краткие сообщения института археологии. Славяно-русские древности. Вып. 146. – М.: Наука, 1976. – С.16.

вновь возникшей народности местные балты привнесли некоторые украшения (к примеру, знаменитые «височные кольца», являющиеся фирменным знаком восточных славян имеют, скорее всего, первоначально балтское происхождение), «оградки» на курганах, названия местностей и рек и, по-видимому, ряд хозяйственных приемов, необходимых для более успешного ведения хозяйства в лесной местности.

Дополнительным доводом в пользу постепенной адаптации славян к жизни в лесистом краю является эволюция приемов и способов домостроения. Постройки в Земле вятичей подразделялись на несколько типов. Жилища существовали в двух вариантах – наземные и углубленные в землю, похожие на традиционные славянские полуземлянки. Более ранние верхнеокские жилища вятичей характеризуются углубленной жилой частью и полностью соответствуют «классическим» славянским «полуземлянкам», известным археологам на протяжении нескольких веков. Позднее появились постройки с подпечной ямой. Очень быстро они вытесняются полностью наземными постройками с подклетом или без такового. Это можно связать с относительно благополучной жизнью народности на новом месте, а также смешением различных культурно-бытовых традиций – балтской мощинской и славянской. Относительно свежие реконструкции домостроительных техник боршевской археологической культуры на примере верхнедонского городища Титчиха «позволяют считать, что ведущей домостроительной техникой являлся сруб, поставленный с отступом от котлована»[1].

Большинство вятичей жили селищами, площадью от 2,5 до 6 гектаров, размещавшимися у рек, бывших главными коммуникациями того времени. Застройка селищ производилась по кучевому либо линейному принципу у рек. Неукрепленный характер поселений свидетельствует об относительно безопасной и мирной жизни народа. Мебель в домах была самодельной: прикрепленные к стенам лавки, нары и полати, тяжелый или прикрепленный к полу стол с чурбаками или небольшими лавочками в качестве сидений. Посуда оставалась лепной (гончарная появилась с X в.): горшки, мисы, сковороды, обычно без орнамента, изготовленные самими хозяевами. Отопление из-за отсутствия труб осуществлялось по–черному, освещением была лучина.

Деталью, подчеркивающей высокую вероятность синтетического характера этногенеза вятичей, является классификация печных сооружений, относящихся к различным восточнославянским племенным княжениям. Согласно ей, наиболее близки вятичам по способам сооружения печей были поляне и закарпатские хорваты, также использовавшие каменно-глиняные печи и каменные очаги для обогрева. Помимо этого прослеживаются аналогии с прежней мощинской традицией. Весьма близкие вятичам культурно и территориально северы предпочитали печи, вырезанные в материковых останцах, либо глиняные, а обогревались подбойными печами и очагами. По-видимому, разница форм и методов постройки и эксплуатации определялась, помимо доминирующих религиозных и строительных традиций, особенностями ландшафтов (лесных или степных) и доступностью используемых материалов.

Важнейшим и значительнейшим культурным явлением значатся погребальные обряды и обычаи. Славяне, поселившиеся в ареале мощинской культуры, первоначально не знали курганной обрядности и переняли ее от аборигенов. Воспринят был и обычай сооружения кольцевых оград[2]. Заимствования «вражеских» обрядов в такой безусловно сакральной и значимой для любой языческой культуры сфере, как проводы умерших, захоронение и последующее общение с их

[1]Енуков В.В., Енукова О.Н. О домостроительстве донских славян (по материалам городища Титчиха) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции. посвященной 110-летию со дня рождения И.И.Ляпушкина. – СПб.:СОЛО, 2012. – С.145.

[2] Седов В.В. Голядь // Iš baltų kultūros istorijos. – Вильнюс: Diemedis, 2000. С. 75-84.

душами представляется совершенно невероятным, в то время как смешение похожих обрядов, по всей видимости, вполне возможно.

Отличительной особенностью народности было соблюдение вятичами до XI в. древнего обряда кремации усопших. Этим подтверждается положение о позднем, в сравнении с другими восточнославянскими народностями, распространении христианства, а, следовательно, и фактическом отсутствии до того времени контроля со стороны русских княжеских властей. В вятичском ареале появление христианских культовых предметов, по всей видимости, обозначало усиление в данной местности роли и значения представителей княжеской администрации Киевской династии. С другой стороны, появление в дальнейшем христианизированного обряда захоронении и отход от языческого сжигания тела позволило археологам составить более четкое представление о материальной культуре народности.

Археология позволяет довольно точно выделять вятичские захоронения среди иных славянских погребений того же периода по характерным только для этой народности атрибутам. Вятичские кладбища представляли собой группы курганов (обычно от 5 до 40, есть и значительно большие по количеству) полусферической формы высотой от 0,3 до 2– 3 метров, диаметром от 5 до 12–16 метров[1]. Ранние захоронения вятичей тщательно соблюдают описанный летописцем обряд кремации (сожжения на погребальном костре), а потому находки инвентаря в них очень бедны. Позднее, вероятно под влиянием христианства, началось захоронение тел усопших, что позволило археологам создать более полную картину материальной жизни окских и донских славян. В женских погребениях обычно находят много украшений. Мужские захоронения на находки очень бедны. Очень редко удается обнаружить крестики, иконки, другие признаки христианства. Тысячи раскопанных курганов Подмосковья дали только несколько десятков таких находок. Хотя среди украшений на подвесках маленькие иконки и крестики попадаются. Предполагается, что это свидетельствует о двоеверии вятичей.[2]

Судя по всему жители Земли вятичей, как, впрочем, и большая часть славян, не отличались чрезмерно акцентированной религиозностью. Весомым аргументом для такого утверждения является отсутствие до настоящего момента каких-либо находок, однозначно и достоверно атрибутируемых в качестве предметов, имеющих отношение к отправлению религиозного культа или поклонению каким-то богам.

Исходя из синтетического характера формирования населения Земли вятичей, можно предположить, что отправление религиозных обрядов было связано в первую очередь с почитанием предметов и отдельных «мест силы» – священных и знаменательных рощ, камней, лесов, источников, рек и т.д. Подобные культы и обряды весьма четко и достоверно фиксируются у соседствующих с вятичами народов (балтов, финно-угров и др.), и нет никаких оснований полагать их отсутствие в рассматриваемом настоящей работой этно-культурном ареале. Поклонение природе и ее отдельным проявлениям как выражение религиозности получило свое отражение в многочисленных амулетах и оберегах, четко фиксируемых археологией на рассматриваемой территории.

К несчастью, территория современного орловско-липецко-воронежского пограничья долгое время не привлекала внимания крупных исследователей ранней славянской истории. Предполагалось, что здесь была граница славянского мира, а потому ничего интересного найти, скорее всего, не удастся. Весьма успешные археологические исследования И.И. Ляпушкина, А.В.Григорьева позволили созреть и окрепнуть гипотезе, обращающей внимание не столько на

[1]Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. – М.: Наука, 1981. – С.100.

[2] Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв.– М.: Наука, 1981. – С.106.

граничность данной территории, сколько на значимость ее культурных и транспортно-экономических функций. Она, по всей видимости, являлась многовековой зоной контакта славян с ирано- и тюркоязычными соседями, именно через нее эвакуировалась на запад та часть «именьковцев», которая положила начало базовой для значительной части восточного славянства волынцевской археологической культуре. Именно здесь пересекались две важнейшие транспортные артерии – окско-донская и окско-каспийская.

Археологические данные доказывают принадлежность славян, заселявших Верхнюю Оку, к ромено-боршевской культуре, что указывает на первостепенное значение южных маршрутов славянского расселения, так как роменская и боршевская археологические культуры, определяемые как чрезвычайно близкие (вплоть до их единства) и явно родственные, оставили многочисленные свидетельства своего южного генезиса. Эти культуры являются объединяющим признаком, характерным для северов, вятичей и донских славян.

Анализ расселения вятичей достаточно четко связывает их продвижение с течением Оки и ее притоков. О южном маршруте заселения говорит уже упоминавшееся размещение славян на черноземных почвах, что подтверждает их умение культивирования зерновых в местах их значительного залегания, к местностям залегания которых западный и северный лесистые края явно не имели отношения.

В то же время попытки лингвистической реконструкции особенностей вятичского наречия показывают его отличие от языка донских славян и наличие отдельных черт, сближающих его с так называемыми лехитскими западнославянскими языками. Этот гипотетический язык, по всей видимости, следует отнести к «словенской», а точнее, к «склавинской», группе славянских диалектов, в отличие от «донцев», относимых к группе «антской»[1]. А вот материальная культура и ряд проявлений духовной (дошедшие особенности погребения усопших) у этих двух славянских группировок были чрезвычайно близки, порой вплоть до совпадения. Это позволяет лишний раз подтвердить точку зрения о сборном и составном характере формирования вятичской народности из представителей разных славянских и неславянских колонизационно-переселенческих волн, прошедших по территории Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры.

Анализ древнейших вятичских названий городов, рек и местностей указывает на их значительную близость новгородским и западнославянским названиям. Для примера приведем перечень совпадений, могущих косвенно свидетельствовать о древних вятичско-новгородско-европейских связях. Названные родственные топонимы сосредоточены на вятичской и околовятичской территории, новгородской земле и в западнославянских полабских землях: Перестряж, Хотынец (Хотынка), Легоща, Велеговши (Велегощ), Будогощь, Радогощ (Радогощь, Радугощи, Редгощ и т.п.), Залегощь (из первоначального Жалегощ), Домагощ, Вщиж, Шигостово, Гощь, Хотимль, Жупань, Болычево, Гостомля, Судимир, Жирятино и т.д.[2]. Такие совпадения, с одной стороны, могут быть обусловлены наличием тесных связей с кривичами и словенами, с другой стороны, приходом переселенцев из западного и северо-западного славянских ареалов.

Современные исследования показывают, что количество сохранившихся до наших дней древнейших наименований в бассейне Верхней Оки может считаться средним среди восточнославянских территорий. В то же время следует отметить, что большинство вятичских и праславянских архаизмов находят прямые аналоги в новгородской и западно-славянской

[1] Николаев С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. – 1994. – №3. – С.39.

[2] Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования) – Великий Новгород, 2005. – С. 92, 100, 108, 130, 134, 135, 136, 141, 144, 157, 168, 186, 195, 205, 308, 323, 333.

топонимике, а скопление гидронимов, оканчивающихся на «гощ», а также прямые орловско-новгородские совпадения (Домагощ) считаются некоторыми исследователями уникальными примерами[1].

Как известно, перенос переселенцами названий уже существующих населенных пунктов на новые города на вновь осваиваемых территориях является типичным явлением в истории европейской цивилизации. На славянской территории хорошим примером является использование слова «Воронеж», перенесенное переселенцами из Воронежа в пределах Черниговского княжества (ныне районный центр в Сумской области Украины) в Центральное Черноземье на реку и упомянутый в летописях не сохранившийся после нашествия татар город. В 1585 г. название реки Воронеж перешло на вновь постороенный город-крепость и сохранилось до наших дней в названии современного Воронежа.

Разноречивость существующих гипотез и предположений о зарождении вятичей является весьма весомым аргументом в пользу предположения о том, что формирование вятичей представляло собой многоэтапный, сложный и растянутый во времени процесс. Представляется, что история славянской колонизации верховских земель была весьма длительна и разнородна по направлениям. На первом этапе, вероятно, задолго до появления легендарного Вятко с его родом (либо персон, послуживших его прототипом), происходило постепенное проникновение славян с верховьев Дона и левобережья Днепра. Археология однозначно называет славян, заселивших эту местность, носителями роменской и боршевской культур и указывает на юго-западное и юго-восточное направления их переселения.

Наряду с названными существовал еще и западный маршрут славянского переселения. Этот маршрут был использован славянами, как минимум, дважды («деснянская волна» VII–VIII вв. и «призвание Вятко» в IX в.), хотя вряд ли был самым массовым. Помимо прочего прослеживаются лингвистические признаки северного («новгородского») этнического влияния. Вятичский этногенез был, по всей видимости, завершен летописным «призванием Вятко», что означало появление особого вятичского самосознания и конституировало отличие местных жителей от остальных восточнославянских народностей.

Границы первоначальной зоны расселения вятичей определяются тем обстоятельством, что «ареал ранних вятичей может быть очерчен в бассейне Верхней Оки. На средней Оке и в бассейне Москвы пока известны только отдельные, немногочисленные поселения и курганы».[2] Но даже и такой ареал является огромным, так как занимает площадь около 70,0 тыс. кв. км и является по сути своей гигантским для относительно примитивных средств связи и транспорта.

Начальный этап освоения вятичами бассейна Верхней Оки продолжался примерно до середины IX в. и характеризовался постепенным вовлечением в хозяйственный оборот существовавших природных угодий. Ранее существовавшие взгляды о невысокой плотности местного населения могут сейчас быть подвергнуты обоснованному сомнению: характер размещения поселений, обследованных археологами по берегам рек (Нугрь, Зуша, Упа и др.), демонстрирует фактически непрерывную череду селищ и городищ вдоль них, что не согласуется с ранее принятым взглядом о малочисленности жителей Земли вятичей.

По всей видимости, бассейн Верхней Оки в I и в начале II тысячелетия н.э. практически был довольно плотно заселен. Не подлежит сомнению, что близлежащие поселения составляли единую социальную структуру, пронизанную многочисленными социальными, экономическими, хозяйственными и, скорее всего, родственными связями.

По нашему мнению, расселение славян на верхеокских землях характеризовалось высокой

[1] Там же. – С. 372.
[2] Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. – М.: Наука, 1981.

скоростью, интенсивностью и синхронностью процессов. Ассимиляция остатков мощинской культуры протекала быстро и почти безболезненно. На всей осваиваемой территории сохранялось культурное, бытовое и, по всей видимости, идеологическое единство. В этот период была начата закладка основ славянской истории Верховской историко-географической провинции.

Библиография/ References:

1.Алексеева Т.И. Антропологические характеристики восточных славян эпохи средневековья в сравнительном освещении // Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. – М.: Научный мир, 2002. – С.160-169.

2.Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). – Великий Новгород, 2005. – 468 с.

3.Давыдчук В.С., Фролов И.К. К истории заселения орловского течения Оки в I тысячелетии н.э. // Краткие сообщения института археологии. Славяно-русские древности. Вып. 146. – М.: Наука, 1976. – С.11-18.

4.Енуков В.В., Енукова О.Н. О домостроительстве донских славян (по материалам городища Титчиха) // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И.И.Ляпушкина. – СПб: СОЛО, 2012. – С.140-148.

5.Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X-XIII в. – М.: «Наука», 1975. – С.57-117.

6.Николаев С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. – 1994. – №3. – С.23– 49.

7.Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв.. – М.: Наука, 1981. – 296 с.

8.Откупщиков Ю.В. Древняя гидронимия в бассейне Оки // Балто-славянские исследования. Вып. XVI. Сборник научных трудов. – М.: Индрик, 2004. – С. 83-114.

9.Полное собрание русских летописей. Т.1. Вып. 1. Лаврентьевская летопись. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926. – 540 с.

10. Полное собрание русских летописей. Т.2. Ипатьевская летопись.– М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 574 с.

11. Седов В.В. Голядь // Iš baltų kultūros istorijos. – Вильнюс: Diemedis, – 2000. С. 75-84.

12. Седов В.В. Освоение славянами Восточноевропейской равнины [Текст] / В.В. Седов // Восточные славяне. Антропология и этническая история. 2-е изд. – М.: Научный мир, 2002. – С.153-159. (In. Russ.)

1.Alekseeva, T.I. (2002) Antropologicheskie kharakteristiki vostochnykh slavian epokhi srednevekov'ia v sravnitel'nom osveshchenii [Anthropological characteristics of the Eastern Slavs of the Middle Ages in a comparative light] // Vostochnye slaviane. Antropologiia i etnicheskaia istoriia. 2-e izd. – M.: Nauchnyi mir. – P.160-169. (In. Russ.)

2.Vasil'ev, V.L. (2005) Arkhaicheskaia toponimiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskie deantroponimnye obrazovaniia) [Archaic toponymy Novgorod Land (Old Slavonic anthroponomy formation)]. – Velikii Novgorod. – 468 p. (In. Russ.)

3.Davydchuk, V.S., Frolov, I.K. (1976) K istorii zaseleniia orlovskogo techeniia Oki v I tysiacheletii n.e. [On the history of the settlement of Orel reaches of the Oka in the I millennium BC] // Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii. Slaviano-russkie drevnosti. Vyp. 146. – M.: Nauka. – P.11-18. (In. Russ.)

4.Enukov, V.V., Enukova, O.N. (2012) O domostroitel'stve donskikh slavian (po materialam

gorodishcha Titchikha) [The dispensation of the Don Slavs (based on settlement Titchiha)] // Slaviane vostochnoi Evropy nakanune obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi 110-letiiu so dnia rozhdeniia I.I.Liapushkina. – SPb: SOLO. – P.140-148. (In. Russ.)

5.Zaitsev, A.K. (1975) Chernigovskoe kniazhestvo [Chernigov principality] // Drevnerusskie kniazhestva X-XIII v. – M.: «Nauka». – P.57-117. (In. Russ.)

6.Nikolaev, S.L. (1994) Rannee dialektnoe chlenenie i vneshnie sviazi vostochnoslavianskikh dialektov [Early dialectal division and external relations eastern Slavic dialects] // Voprosy iazykoznaniia. – №3. – P.23-49. (In. Russ.)

7.Nikol'skaia, T.N.(1981) Zemlia viatichei. K istorii naseleniia basseina verkhnei i srednei Oki v IX-XIII vv [Earth Vyatichi. On the history of the settlement basin of upper and middle Oka IX-XIII centuries]. – M.: Nauka. – 296 p. (In. Russ.)

8.Otkupshchikov Iu.V. (2004) Drevniaia gidronimiia v basseine Oki [Ancient Waternames in the basin of the Oka] // Balto-slavianskie issledovaniia. Vyp. XVI. Sbornik nauchnykh trudov. – M.: Indrik. – P. 83-114. (In. Russ.)

9.Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. T.1. Vyp. 1. Lavrent'evskaia letopis'. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1926. – 540 p. (In. Russ.)

10. Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. T.2. Ipat'evskaia letopis'.– M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 574 p. (In. Russ.)

11. Sedov, V.V. (2000) Goliad' // Iš baltų kultūros istorijos. – Vil'nius: Diemedis. – P. 75-84. (In. Russ.)

12. Sedov, V.V. (2002) Osvoenie slavianami Vostochnoevropeiskoi ravniny [The development of the Slavs of the East European Plain] // Vostochnye slaviane. Antropologiia i etnicheskaia istoriia. 2-e izd. – M.: Nauchnyi mir. – P.153-159. (In. Russ.)